

Ничего о том, как неудобно стоять,
застряв одной ногой в прошлом.
Яцек Хуго-Бадер

Витольд Шабловский
**Убийца из города
абрикосов**

Незнакомая Турция —
о чем молчат
путеводители

Софт

Витольд Шабловский

Убийца из города абрикосов. Незнакомая Турция – о чем молчат путеводители

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7693511

Убийца из города абрикосов. Незнакомая Турция – о чем молчат путеводители / Витольд Шабловский; пер. с польского М. Алексеева: Иностранная литература, журнал № 10; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087733-1

Аннотация

В сборнике очерков о современной Турции польский журналист Витольд Шабловский пишет о стране, о существовании которой вряд ли подозревают сотни тысяч ежегодно устремляющихся туда туристов. Пятизвездочные отели, которые с недавних пор нанимают специальных людей для поиска тел утонувших нелегальных эмигрантов. Арарат, на склонах которого собираются курдские партизаны. Премьер-министр Эрдоган, сумевший добиться небывалого экономического роста, но укрепивший позиции турецких исламистов. Знаменитый террорист Али Агджа, стрелявший в Иоанна Павла II и получивший прощение папы. Нелегальные мигранты, мечтающие о Европе и готовые на все. Врач-сексолог, ратующий за сексуальное образование в Турции. Бывшие турецкие проститутки, проданные в публичные дома собственными мужьями и баллотирующиеся в парламент, чтобы рассказать правду о секс-индустрии в Турции. Женщина, приговоренная собственной семьей к смерти из-за ложного обвинения в измене мужу...

Книга "Убийца из города абрикосов" получила премию британского ПЕН-клуба, премию Европейского парламента в области журналистики, в 2011 году номинировалась на самую престижную польскую литературную премию *Nike*, а американский журнал *World Literature Today* включил ее в список семидесяти пяти лучших переводных книг, изданных в США в 2013 году.

Содержание

Вместо предисловия	5
Чистилище Стамбула	8
Рекламная акция	9
Мост	10
Юсуф	11
Махмуд	12
Жертва кораблекрушения	13
Серферы	14
Мечеть	15
Каşаксі	16
Рыбаки	17
Пограничники	18
Развлечения	19
Икар	20
Лодки	22
Что я о вас думаю	23
“Это из любви к тебе, сестра”	24
Черная девушка	37
История Салихи Эрмез	38
Замужество	38
Развод	38
Чайная	38
Магазин	39
Хасан	39
Друзья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Витольд Шабловский

Убийца из города абрикосов.

Незнакомая Турция – о

чем молчат путеводители

© Witold Szablowski, 2010. All rights reserved.

Published by arrangement with Wydawnictwo Czarne, Poland

© М. Алексеева, перевод на русский язык, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015

Издательство CORPUS ®

* * *

Вместо предисловия

Желто-белый паром кряхтит, сопит, выплевывает в небо облако дыма и отчаливает.

Мы плывем из Европы в Азию. Путешествие занимает минут пятнадцать. На палубе рядом бизнесмены и нищие, женщины в чадрах и девушки в мини, атеисты и имамы, проститутки и дервиши, святые и грешники. Вся Турция на одном пароме.

– Капитаны этих колоссов – современные Хароны, – говорит Тайфун, мой знакомый поэт из Стамбула. – Почему? Потому что путешествие через пролив Босфор прекрасно и тревожно. Как смерть.

На самом деле Хароны – бесстрастные профессионалы. Иначе нельзя. Босфор очень узок, в некоторых местах шириной всего несколько сот метров, при этом ежедневно здесь проплывают тысячи кораблей и лодок. Необходимость маневрировать в таких водах, а затем с точностью до сантиметра подвести паром к небольшой пристани не оставляет места ни романтизму, ни греческой мифологии.

Разве что ты пассажир. Тогда пожалуйста. Когда заходит солнце и над городом разносятся голоса тысяч муэдзинов, славящих Аллаха, стихают разговоры, а люди впадают в меланхолическое и философское настроение. Я часто пользуюсь моментом и спрашиваю попутчиков-турок: как им живется с этим проливом? Каково это – каждый день пересекать границу между континентами?

Они пожимают плечами. Не понимают. Пролив как пролив.
Только поэт Тайфун не удивляется вопросу.

– Во мне самом есть такой пролив, – говорит он и бросает большой кусок булки преследующим паром чайкам. – В жизни каждого турка тысячи раз на дню сталкиваются традиция и современность. Шляпа и чаршаф¹. Мечеть и дискотека. Евросоюз и неприятие Евросоюза.

Тайфун попадает в десятку. Невидимый глазу пролив проходит через всю Турцию. По утрам мои приятельницы-турчанки пьют эспрессо со своими возлюбленными, едят круасаны и беседуют о мировой литературе. А после обеда надевают платки и отправляются в гости к бабушкам на чашечку кофе по-турецки.

Мои приятели-турки пьют пиво и ходят на дискотеки. Но стоит им слегка перебрать, как они запевают песни двухсотлетней давности. Ведут себя так, будто им не страшен ни Аллах, ни Магомет, но в Рамазан строго соблюдают пост, а как только их сыновья подрастают, они готовятся к обрезанию.

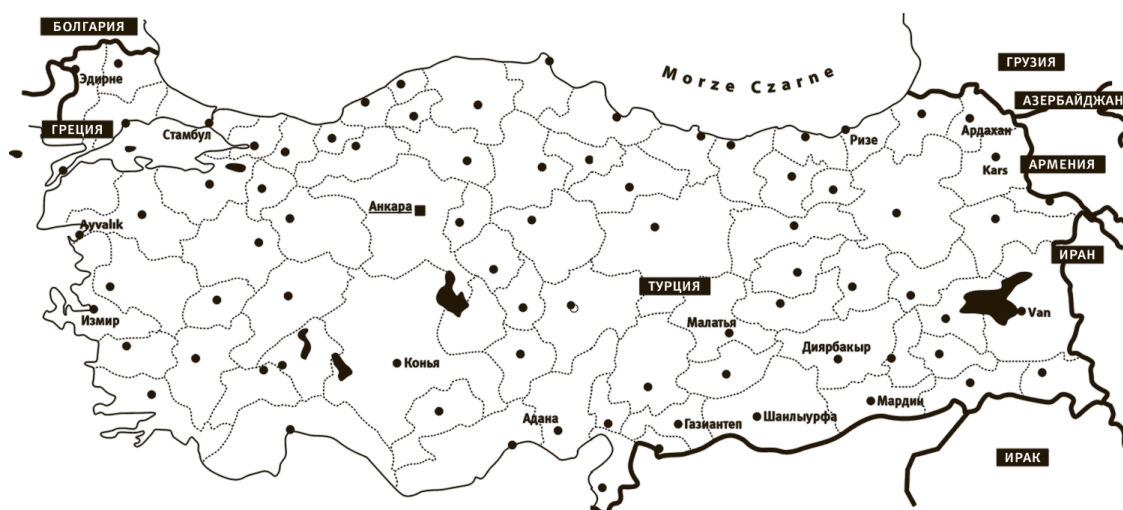
Я видел на ортодоксальном Востоке имамов, вешающих возле мечетей флаги Евросоюза. В магазинах одежды для консервативных турчанок продается сексуальное нижнее белье. “Когда женщине приходится закрывать лицо в течение дня, – объясняет мне продавец, – ей сильнее хочется нравиться мужу по вечерам”.

У жизни на границе есть свои плюсы. Турки находчивы, быстро учат языки, умеют мгновенно расположить к себе человека из любого уголка земного шара. Хотя худшее геополитическое положение вряд ли можно себе представить, ведь Турция граничит с беспокойными Сирией, Ираном и Ираком. В то же время это часть Ближнего Востока, Кавказа и Балкан – турки умеют ладить со всеми.

Но за жизнь на границе приходится платить. Запад считает турок фанатиками. Восток – прислужниками Запада. Аль-Каида устраивает на берегах Босфора теракты, а Европейский союз вот уже полвека не спешит принять Турцию в свои ряды. Слишком она большая и чуждая по культуре.

Наш паром достигает середины пролива. Мы издали смотрим на два моста, соединяющие берега Босфора. Поэт Тайфун смотрит то на европейский, то на азиатский берег. Наконец вздыхает:

– Каждый турок – это такой мост.

Адана. Индустриальный гигант славится на всю Турцию своими кебабами. Здесь родилась Салиха Эрмез, бывшая проститутка, которая боролась за место в турецком парламенте.

¹ Чаршаф – традиционный турецкий хиджаб.

Анкара. Столица Турции. Здесь в специально построенном мавзолее покоится Ататюрк.

Ардахан. Раз в году сюда съезжаются почитатели Ататюрка. Они смотрят на тень горы, напоминающую им профиль Отца Турок. Увидев ее, они танцуют, смеются и плачут.

Айвалык. С окрестных пляжей контрабандист Ахмед-Баба отправляет нелегальных мигрантов в Европу. Отсюда полвека назад Мюневвер Божецкая начала свое драматическое бегство в Польшу.

Диярбакыр. Столица турецких курдов. Стена, окружающая город, считается второй после Великой Китайской самой знаменитой стеной в мире. Город называют «проклятым местом», потому что в районе Диярбакара совершается больше всего убийств чести.

Эдирне. Древняя столица османов. Здесь зодчий Синан построил свою самую совершенную мечеть – многоуровневую шкатулку Селимие.

Здесь также хранится голова Кара-Мустафы, казненного за поражение турецких войск в битве под Веной.

Газиантеп. Здесь родилась Айше Тюркюкчю, которую муж Хасан продал в публичный дом.

Измир. Город Саббатая Цви, еврейского мессии, перешедшего в ислам.

Конья. Столетия назад здесь жил и творил мудрец Мевлана, исламский Франциск Ассизский. Сегодня это турецкая Ченстохова². Паломники стекаются сюда со всего мира, а жители Коньи слывут закоренелыми консерваторами. Здесь же состоялась премьера первого турецкого эротического фильма.

Малатья. Город, который однажды пестрел плакатами с Бараком Обамой, во время визита в Стамбул прихватившим с прилавка абрикос. «Это наверняка был наш абрикос», – утверждал мэр. Сады вокруг Малатии – абрикосовые уголья всей Европы.

Мардин. Город, известный великолепной древней крепостью. Неподалеку от этого городка в деревне Ялим жители насмерть забили камнями свою соседку.

Ризе. Здесь родился премьер-министр Эрдоган и здесь жила его семья, пока отец будущего премьера не решил перебраться в Стамбул.

Шанлыурфа. Мусульмане верят, что здесь появился на свет патриарх Авраам (они называют его Ибрахимом). Местный мессия развел меня на пачку сигарет и рис с курицей.

Стамбул. Город поэта Хикмета, премьера Эрдогана и невероятных контрастов. Туристы со всего мира щелкают фотоаппаратами, а иммигранты пытаются заработать на последний отрезок пути в Европу. Именно здесь можно пройти по мосту, соединяющему Европу с Азией.

² Город на юге Польши. Расположенный в Ченстохове Ясногорский монастырь – одно из главных мест паломничества поляков.

Чистилище Стамбула

Они встают, когда город еще веселится. Надевают темно-синие штаны, высокие шнурованные ботинки и футболки с эмблемой города, на который работают. Берут спасательное снаряжение, аптечку, теплые вещи.

И еще запас больших полиэтиленовых мешков.

Джип-внедорожник развозит их по пляжам.

Они прочесывают пляжи метр за метром. Сначала самые посещаемые. Потом менее популярные. Безлюдные – только если хватит времени. Они ищут обломки лодок, ботинки, свитера, рюкзаки, шапки, перевернутые надувные лодки, промокшие одеяла, документы, паспорта, детскую обувь. Все, что может выбросить море. Но прежде всего они ищут тела.

– Пять лет назад на пляж, прямо возле роскошных пятизвездочных отелей, море выбросило двоих африканцев. Их нашли туристы, – говорит Казим, мужчина в темно-синих штанах и высоких ботинках. – Туристам не нравится находить трупы. Англичане, немцы, поляки приезжают сюда отдохнуть и дорого за это платят. Мы должны все убрать, прежде чем они проснутся.

Рекламная акция

Мы сидим в маленьком кафе в базарной части Стамбула. Через полкилометра от нас известный Топкапы – дворец султанов. Каждый день тысячи туристов смотрят, где этот счастливчик султан ел, где спал, а где находился гарем, полный красавиц.

Все это не имеет отношения к Махмуду, иракцу с седеющей бородой и желтыми от сигарет пальцами. Он закуривает каждые пять минут, как по часам. Не тушит сигарету, пока фильтр не начинает жечь ему пальцы.

Пять лет назад он работал переводчиком у американцев, пока их враги не приговорили его к смерти. Американцы не могли или не хотели помочь.

– Существует программа помощи бывшим переводчикам, но одному Аллаху известно, почему меня она не коснулась, – говорит он. – Двое моих коллег погибли. Ждать было нечего. Я взял жену, пятилетнюю дочь, и мы бежали.

Оруч Улусой, юрист из Измира, оказывающий помощь иммигрантам, предупреждает меня:

– Не верьте их историям. Они не рассказывают правду. Правда для них слишком опасна.

Но достоверности рассказу Махмуда добавляет прекрасное британское произношение. По его словам, двоюродный брат из Германии выслал ему тысячу евро. Родственники в Ираке насобирали столько же. Хватило, чтобы фурой доехать до Стамбула.

– Жену и ребенка я отправил в Грецию, – говорит он. – Первую лодку развернула береговая охрана. Вторая дала течь, они еле успели вернуться к берегу.

Если верить Махмуду, третья попытка оказалась успешной.

– Хорошо, что все удалось, потому что *kaçakçı*, то есть контрабандист-перевозчик, берет плату за три попытки. Такая рекламная акция, как в супермаркете. Но если три раза не вышло, платишь заново, – говорит Махмуд.

Его жена уже в Мюнхене. Махмуд застрял в Стамбуле. Он знает здесь всех, от мелких жуликов и сутенеров до контрабандистов. Благодаря ему мне удастся узнать очень много.

Махмуду нужно собрать две тысячи евро. Он преподаёт английский. Помогает продавать краденые паспорта. Поставляет клиентов контрабандистам. Лопатой денег не гребет, но если все сложится хорошо, через год будет уже в Германии. Деньги – сегодня для Махмуда это главное. Поэтому, когда я говорю: “Помоги мне найти Юсуфа”, Махмуд не спрашивает, кто такой Юсуф и зачем я его разыскиваю. Он спрашивает только: “Сколько ты мне заплатишь?”

Заплатить ему я не могу. Он разводит руками, тушит докуренную почти до фильтра сигарету и уходит.

Мост

Существует два Стамбула.

Первый принадлежит туристам, пятизвездочным отелям и любителям развлечений. Орхан Памук ищет в нем источники своей ностальгии, а обвешанные фотоаппаратами японцы фотографируют здесь каждый миллиметр. Ежегодно сюда приезжает более десяти миллионов людей с фотокамерами. Всего в Турцию – тридцать миллионов. Почти десять процентов турецкого бюджета – из их кармана.

Но не одни только туристы любят Турцию. В последние годы она стала раем для бизнесменов, которых привлекает почти семипроцентный рост турецкой экономики. И для политиков, которые замечают ее усилия примирить Европу и Азию.

Такой Стамбул и такую Турцию премьер Эрдоган называет мостом между Востоком и Западом.

Но настоящий мост сегодня – это другой Стамбул. Чтобы его увидеть, нужно свернуть с туристического маршрута в боковые улочки и внимательно смотреть по сторонам.

Тогда вы заметите африканцев, которые из последних сил тянут тележки, груженные ломом. Китайцев, которые режут по подвалам огурцы для кебабов. Индийцев, которые продают поддельные духи и у которых никогда не исчезают мешки под глазами. Эти люди готовы терпеть собачью жизнь, потому что мечтают о Европе. Они верят, что наше богатство – а в их глазах Польша тоже богатейшая страна – лекарство от всех их проблем.

Эти люди застряли на мосту, о котором говорит турецкий премьер. Сколько их здесь живет, никто даже не пытается подсчитать. Ученые высказывают предположения, что через чистилище Стамбула ежегодно проходит от полумиллиона до двух миллионов иммигрантов.

“Мы работали на фабрике по шестнадцать часов, – этого беженца из Китая цитировала вся стамбульская пресса. – Хозяин дал нам ночлег в будке за фабрикой. На восемнадцать человек у нас было четыре кровати и один стул. Через три месяца он прогнал нас, ничего не заплатив. Хуже всего не то, что он не заплатил, а то, что с тех пор мы живем на мусорной свалке”.

Юсуф

С Юсуфом я познакомился семь лет назад в одной дешевой стамбульской гостинице. Ему было столько же лет, сколько мне, он носил длинные волосы, убранные в хвост, и бороду, делавшую его похожим на Рышека Риделя³. Мечтал он об одном – попасть в Европу.

Он приехал из Ливии (туристическая виза в Сирию, оттуда – с контрабандистами). Я удивился, потому что из Ливии в Италию контрабандисты тоже плавают, а выходит дешевле.

– Я боюсь воды, – смущенно сказал Юсуф.

Стесняться было чего. По его словам, он должен был сесть на первую лодку и либо умереть, либо доплыть. Вместо этого он тратил время и деньги своего отца.

Ради семьи он был готов на все.

– Но мне пришлось уехать, – подчеркивал он, вглядываясь в разделяющий Европу и Азию Босфор. – Чтобы привести в дом жену, нужно иметь деньги на ее содержание. В Ливии я был учителем. Я даже себя прокормить не мог.

Однако долго оставаться серьезным у Юсуфа не получалось. Он быстро менял тему. Расспрашивал меня о польских девушках, фильмах, заработках. Что бы я ни говорил, глаза у него загорались, как огни кораблей на Босфоре. Потом он прикидывал, сколько ему пришлось бы работать в Ливии за польскую зарплату, и с одобрением присвистывал.

Отличным парнем был этот мой Юсуф. Когда у него закончились деньги, хозяин гостиницы предложил ему работать в ночную смену. Бывая в Стамбуле, я обязательно заходил проведать его и выпить с ним кофе.

– Стамбул – удивительный город, – говорил он. – Тут можно встретить тех, кто поделится с тобой последним куском хлеба, и тех, кто вырежет у тебя почку и бросит подышать в канаве.

Юсуф искал первых. Надеюсь, что нашел, потому что год назад он прислал мне сообщение: “Я учусь плавать:)”.

Я спросил: “Едешь дальше?” В ответ снова: “:)”.

Больше он не проявлялся. Из гостиницы, в которой он проработал семь лет, в один прекрасный день он просто ушел.

³ Рышард Ридель (1956–1994) – польский певец и автор текстов, вокалист блюзового ансамбля *Dżem*.

Махмуд

Через два дня после разговора с Махмудом меня разбудил администратор гостиницы. В холе ждет Абдулла, мелкий жулик, который несколько дней назад пытался продать мне гашиш. У него сообщение от Махмуда: “Встретимся в полдень, то же кафе, что и в прошлый раз”.

Я прихожу на пятнадцать минут раньше назначенного срока.

– Какой тираж у твоей газеты? – спрашивает Махмуд.

– Полмиллиона.

Махмуд что-то подсчитывает в уме.

– Я тебе помогу, – наконец говорит он. – Но и тебе придется для меня кое-что сделать. Что? Узнаешь, когда придет время. А теперь пойдем прогуляемся.

Мы допиваем кофе и выходим. Начинаем с Эминёню – паромной пристани, откуда за полторы лиры можно переплыть на другой берег Босфора, в Азию. Здесь стоит мечеть Йени-Джами. За ней начинается рынок. Перед ней – площадь.

– Карманники с этой площади специализируются на паспортах, – говорит Махмуд.

Потом объясняет, что рынок паспортов капризен, как турецкая биржа. Польский паспорт пять лет назад стоил столько же, сколько таджикский, то есть гроши. Но Польша вошла в Евросоюз, а затем в Шенген. И сегодня за книжечку с орлом иммигранту придется выложить тысячу долларов, а то и полторы.

Самые дорогие паспорта – немецкие и итальянские: две с лишним тысячи. Неплохо идут иранские. Их легко получить, Иран ведь граничит с Турцией, и они дают право въезда в Боснию. Из Боснии рукой подать до Италии. А в Италии у каждого ливийца найдутся родственники или знакомые.

– О, гляди! – Махмуд показывает на седого мужчину, с виду американца, вокруг которого внезапно начинают крутиться какие-то люди. – Курды вышли на дело, – говорит Махмуд. – Эти настоящие профи. Они из трусов паспорт достать смогут. – И хотя, кажется, на сей раз американцу повезло, Махмуд все равно с восхищением кивает головой.

Два дня спустя двое курдов пытаются обокрасть и меня – на сей раз их прельстили деньги. С фотографом и переводчицей мы хватаем одного из них и ведем в полицейский участок. Я полдня провожу в полиции, чтобы дать показания. За это время восемь человек подают заявление о краже паспорта. Еще шестнадцать приходят за тем же в отделение туристической полиции. В течение одного только дня возле дворца Эминёню пропали голландские, австралийские, немецкие и один норвежский паспорт.

– Карманникам часто заказывают паспорт определенной страны, – рассказывает один из полицейских. – Бывает, что вор ходит за туристом целый день, а то и дольше. Вас они называют “доноры паспортов”.

Я интересуюсь, что можно сделать с польским паспортом, выданным на мое имя.

– Как правило, их подделывают, одну страницу проще подделать, чем весь паспорт. Но бывает, что покупают без изменений. Людям в пути так хочется быстрее отсюда выбраться, что они готовы поверить во все. Даже в то, что можно быть негром и въехать в Европу с паспортом с фотографией белого по фамилии Шабловский.

Жертва кораблекрушения

В сентябре 2003 года море выбросило на турецкий берег тела двадцати четырех иммигрантов, вероятно, из Пакистана. Турки были потрясены. Эта была крупнейшая трагедия в их море за многие годы.

Между тем это была лишь первая ласточка грядущих событий. Всего три месяца спустя шестьдесят человек утонули по пути на Родос. Среди них были иракцы, афганцы и иорданцы. В том числе женщина с десятилетней дочерью.

После этой катастрофы некоторые курорты начали нанимать людей, которые в темносиних штанах ищут тела, прежде чем их найдут туристы.

Днем позже паром, плывущий на Родос, подобрал единственного выжившего – двадцатилетнего беженца из Ирака, который чудом уцепился за обломок лодки.

Целый месяц он давал интервью всем турецким изданиям. Его лицо было на первых полосах газет. Неправительственные организации наперебой стремились предоставить ему убежище, жилье, работу. Даже те, кому предстояло самим отправиться в опасный путь и у кого и так почти не было ни гроша за душой, собирали деньги, чтобы ему помочь.

– Я этого парня знаю еще по Ираку. Аллах дал ему вторую жизнь, – говорит Махмуд. – Как если бы его снова мать родила. И знаешь, что он сделал с этой жизнью?

Махмуд ведет меня улочками Таксима, стамбульского района дискотек и красных фонарей. На маленькой улице, где договариваются о встрече трансвеститы, сидит лысеющий мужчина с клоками рыжей растительности на лице. Он смотрит на дорогу, улыбается, бормочет что-то себе под нос. На подбородке засохла слюна.

– Ты опять обдолбался! Ты опять, сука, обдолбался! – кричит Махмуд и трясет парня. Затем смотрит на меня, а потом снова на парня. – Он не выдержал. Не выдержал, – повторяет Махмуд и не сразу отпускает свитер человека, которому Аллах даровал вторую жизнь.

Серферы

Пройдя чистилище Стамбула, иммигранты устремляются к морю. В фурах и багажниках автомобилей они добираются до Басмане, площади в Измире.

Тут их путь вновь пересекается с туристической тропой. Измир – это турецкий Лос-Анджелес: красивый порт, старинный замок, превосходная еда. Туристов тоже влечет в Басмане, здесь самые дешевые гостиницы. Наша называется *Şükran*⁴. У входа мы видим трех африканцев. Они грызут семечки и так напряженно смотрят прогноз погоды, будто он может измениться от одного их взгляда.

Базар в Басмане, пожалуй, единственное место в мире, где торговля бойчее всего идет в полночь. Тут продают бананы, апельсины, арбузы, свежий хлеб, колбасу, сваренные вкрутую яйца, шоколад и энергетические напитки. Есть магазины, торгующие бечевкой, перочинными ножами и спасательными жилетами. Всем, что может пригодиться в пути.

Базар кишит людьми. Они торгуются, смеются, заталкивают что-то в маленькие рюкзаки (контрабандисты, как и авиалинии, дорого берут за каждый лишний килограмм, в ходу только маленькие рюкзаки).

За углом интернет-кафе и дешевые телефоны. Буркина-Фасо – один евро за минуту. Афганистан – восемьдесят евроцентов. Сирия – шестьдесят. Одна за одной появляются едва различимые фигуры, чтобы сообщить родным, что они уже в Измире. Что осталось только переправиться на лодке, и они окажутся в Европе, о которой так долго мечтали.

В пятидесяти километрах от Басмане находится Чешме – последний порт перед границей с Евросоюзом. В сезон это рай для серферов. Когда ветер дует со стороны Греции, они выходят на воду и срезают своими досками верхушки волн. Ветер из Греции приходит с гор и порой достигает немалой скорости. Когда дует, люди в пути ждут. У лодки должен быть хороший мотор, чтобы плыть против ветра. Лодка с хорошим мотором стоит дороже. Поэтому у людей в пути есть время, чтобы позвонить родным, купить шоколад, поболтать с товарищами, погрызть семечки.

И вот наконец дует желанный ветер с суши. Тогда виндсерферы отправляются в бары и на дискотеки или же едут посетить древний Эфес.

На пляжи вокруг города съезжаются машины. Лодки перевозчиков отплывают с тех же пляжей, где при свете дня тусуются серферы. Иммигранты, с которыми мне довелось общаться в Измире, вспоминают, что часто вдалеке слышна музыка дискотек.

Малькольм из Эритреи:

– Я не мог поверить, что они там веселятся. Я думал: я сейчас могу погибнуть, а у них дискотека! Но потом я понял, что так даже лучше. Мотор ревел очень громко. Если бы не дискотека, нас бы обязательно услышали.

⁴ Благодарность, признательность (тур.).

Мечеть

В Басмане я не хочу привлекать внимание. Сажусь на улице и делаю вид, что сплю, а все, что происходит вокруг, меня не касается. Может, меня примут за наркомана, может, за одного из людей в пути. “Лишь бы не за журналиста”, – думаю я и маскируюсь как могу.

Все это ни к чему. Бизнес ведется вполне открыто. Как раз сегодня ветер дует в нужном направлении, поэтому то и дело открываются двери бесчисленных дешевых гостиниц, и темные фигуры садятся в такси, микроавтобусы и даже в фургон с надписью “Мебель”. Мимо регулярно проезжает полицейский патруль, даже не сбавляя скорости.

Гостиницы здесь называются так: “Европа”, “Прекрасное путешествие”, “Друг”, “Мечта”. У входа в каждую висит *nazarlik* – голубой амулет с черным глазом, защищающий путников от злого рока.

На углу владельцы гостиниц устроили маленькую мечеть. Сюда можно прийти в любое время, чтобы перед опасной дорогой напомнить о себе Аллаху.

За мечетью находится очередной телефонный пункт. Я завожу разговор с двумя парнями из Нигерии – Омаром и Ннамди. На вид им лет по двадцать.

– Мы едем через два часа, когда вернутся первые машины. Я звонил матери, чтобы ей это рассказать, – радуется Омар.

– Боимся ли мы? Брат, Бог велик, и все будет так, как он решит, – Ннамди похлопывает меня по плечу, и оба спешат на базар докупить необходимое.

Я на секунду останавливаюсь возле магазина со свежим хлебом.

– Ты тоже плывешь? – спрашивает продавец.

– Нет, не сегодня, – отвечаю я.

– Нужен будет билет – обращайся, – говорит он и подмигивает.

Kaçakçı

Осенью и зимой гостиницы и рестораны на побережье дают туристам тридцать процентов скидки. Понятное дело: погода плохая, купаться холодно. Зато тишина и чудесная природа.

Kaçakçı – контрабандисты-перевозчики – тоже дают тридцать процентов скидки. Понятное дело: в это время года переохлаждение в воде наступает гораздо быстрее, чем летом. Умираешь моментально.

Но есть и плюсы: зимой греки не так тщательно охраняют свои границы.

“Когда-то *kaçakçı* возили сигареты, алкоголь и другие товары, – читаю я в работе профессора Ичдуйгу, известного специалиста по вопросам эмиграции. – Сейчас они переключились на людей. Здесь нет мафии с крестным отцом во главе. Структура больше напоминает Аль-Каиду: множество мелких групп, которые сотрудничают друг с другом, при этом сохраняя независимость. Совместными усилиями они в состоянии организовать дорогу из Кабула в Лондон”.

Профессор проводил анкетирование среди контрабандистов, отбывающих срок в тюрьме. Согласно результатам его исследований, ни один из них не считает, что занимался чем-то постыдным. Более того, по их мнению, они очень помогали людям. А их работа – своего рода миссия.

В провинции люди знают, кто такие *kaçakçı*. Одного из них мне показали рыбаки в Айвалыке – чудесном старом портовом городишке неподалеку от античного Пергама. Все зовут его Ахмет-Баба – отец Ахмет. Низкого роста, в слишком большом плаще, с неизменной папиросой в посеревших губах, он чем-то напоминал персонажа комиксов. Он приехал в порт купить рыбы. За ним неотступно следовали две шкафоподобных гориллы, на вид узбеки или таджики.

Ахмет-Баба работает для Курбаджи – Жабы. У Курбаджи и его людей монополия на перевозку людей из окрестностей Айвалыка на Лесбос. В сезон не бывает дня, чтобы их лодки не выплывали из окрестных деревень.

– Когда дует нужный ветер, утром каждую минуту доносится пыр-пыр-пыр, – говорит Исмаил, рыбак из Айвалыка. – Это моторы их лодок. Тогда у нас говорят: “*Kurbağa geldi*”. То есть: “Жаба прошел”.

Ахмет-Баба производит впечатление доброго дяди. Он всех радушно приветствует, жмет руки, а старых знакомых целует в обе щеки. От меня он проходит так близко, что мы почти соприкасаемся локтями. Он доброжелательно улыбается, как человек, который счастлив и другим тоже желает добра.

Ему известно, что я собираю информацию про *kaçakçı*. Наверняка известно. Я в Айвалыке уже третий день, а Ахмет-Баба знает все. Несмотря на это, он заговаривает со мной дружелюбно:

– Вы турист?

– Да, – темню я. – А вы?

– Я? Я местный чудака, – Ахмет-Баба смеется и уходит. Гориллы тоже смеются, а их огромные животы трясутся от смеха.

Рыбаки

В сентябре 2008 года Ахмет-Баба отправлял лодки из Бехрамкале. Отсюда до греческого берега всего пять километров по прямой.

В 347 году до н. э. Бехрамкале назывался Ассос. Здесь лечил нервы Аристотель, после того как его не избрали преемником Платона в знаменитой афинской Академии. Из местного порта он отправлялся исследовать флору и фауну острова Лесбос.

Лодки Ахмета тоже плыли в сторону Лесбоса. Они выдвинулись в путь всего в километре от того порта, откуда много столетий назад выходил в море Аристотель. Все шло хорошо, пока примерно в два часа ночи не появился катер греческой береговой охраны.

С дикого пляжа возле Бехрамкале все видно как на ладони. Ахмет-Баба сразу испарился. Но на воде остались четыре надувные лодки величиной с ореховую скорлупу, которые уже успели заплыть в греческие территориальные воды. В лодках – тридцать восемь человек.

Греки были настроены агрессивно. Своим катером они нагнали большие волны. Одна из лодок с иммигрантами перевернулась. Люди упали в море. Греки выстрелами заставляли их быстрее выбираться из воды.

Затем они бросили веревку, отбуксировали все четыре лодки обратно в турецкие территориальные воды и забрали весла и моторы, обрекая людей на дрейф. А значит, на верную гибель.

– Чтоб их, – выругался Исмаил, рыбак из Айвалыка. У него, одного из немногих тут, есть большое судно, на котором можно ходить на тунца. Но в тот день стоило им с шурином выплыть из порта, как они увидели четыре лодки с людьми, взывающими о помощи. У них не было весел, а погода портилась на глазах.

Рыбаки взяли беглецов на борт и приплыли с ними на пост береговой охраны. Сегодня Исмаил сам не знает, правильно ли он поступил.

– Сначала меня обвинили в том, что я помогаю нелегально перевозить людей, – рассказывает он. – Мне пришлось много раз туда ездить и объясняться. Под конец следователь сказал: “Я ничего не нашел, но глаз с тебя не спущу”.

Местные рыбаки не раз помогали иммигрантам.

– Летом почти каждый день что-нибудь случается, – говорит Исмаил, а его шурин и товарищ поддакивают. – Греки в них стреляют. Бывает, что простреливают лодки. И рыбаку, прежде чем ловить рыбу, приходится по два часа плавать и спасать этих людей от смерти.

– Мы живем рыбной ловлей, – добавляет шурин. – Тех мы тогда спасли, а потом две недели не могли выходить в море. То дача показаний, то отпечатки пальцев. И как тут им помогать, если моей жене потом детей нечем кормить?

Исмаил:

– Теперь мы боимся помогать. Да и этих лодок стало столько, что всем не поможешь. Жалею ли я, что тогда помог? Черт... Да. Честно сказать, жалею.

Пограничники

В декабре 2007 года неподалеку от города Сеферихисар нашли тридцать одно тело. Сколько людей тогда утонуло, неизвестно. По словам трех спасшихся, на борту было более семидесяти иммигрантов.

В марте 2008 года по меньшей мере четыре человека утонули вблизи области Хатай. Неделий позже – шестеро возле городка Дидима. В октябре семнадцать тел обнаружила береговая охрана неподалеку от Чанаккале – совсем рядом с Древней Троей. Когда я работал над этим текстом, два тела были найдены возле Айвалыка. Следующие два – неподалеку от Бодрума.

В ноябре 2008 года нью-йоркская организация *Human Rights Watch* обвинила Грецию в том, что та нелегально отправляет иммигрантов обратно в Турцию. В свою очередь турок обвиняли в том, что они содержат людей, просящих убежища, в нечеловеческих условиях.

В то же самое время немецкий фонд *Pro Asyl* опубликовал отчет с турецко-греческого пограничья. Подзаголовок отчета звучал так: “Правда горька, но ее нужно рассказать”.

Одним из авторов отчета был Карл Копп:

– Мы разговаривали с иммигрантами, рыбаками и деятелями организаций по защите прав человека. Оказалось, что греческие пограничники очень часто избивают иммигрантов, а порой даже стреляют в них. Людей, которые заплыли на их территорию, они возвращают в турецкие воды и бросают на произвол судьбы. Если кому-то, несмотря на все это, удастся добраться до Греции, то он попадает в центр для иммигрантов, где в ужасных условиях может провести много месяцев.

Развлечения

В написании обоих отчетов принимали участие молодые греки. То, что им довелось узнать, произвело на них неизгладимое впечатление.

Внимание! Акция!

Наши чиновники устроят вам незабываемое развлечение.

Вместо приветствия они обстреляют вашу лодку.

Затем нагонят отличные волны, чтобы вы перевернулись. Если же вы не перевернулись, они бросят вам канат и отбуксируют выживать на один из необитаемых островов. Ну а если каким-то чудом вам все же удастся доплыть до Греции, вас ждет очередное развлечение – массаж палками. А потом несколько лет в развлекательном центре. Прогулка? Раз в неделю!

Добро пожаловать в Грецию! Развлекетесь до смерти!

На фотографии – картинка как из туристического буклета. пляж, пальмы, яхта. Только на этом фоне вместо загорелых девушек в бикини стоит мужчина в наручниках.

Такие листовки молодые греки распространяли на пляжах, в барах и дискотеках на островах, граничащих с Турцией.

Мы находим одну на пароме из Айвалыка на Лесбос. Нам плыть полтора часа. Капитан говорит, что часто видит лодки с иммигрантами.

– Летом бывает больше дюжины за раз. Обратно мы выходим в шесть утра. Те, что отправились в путь ночью, как раз доплывают. Хотя как-то раз я видел, как среди бела дня в главный порт Лесбоса вплывала лодка с иммигрантами. Надо было такое придумать!

Икар

Дедал был гениальным изобретателем. Когда тиран Минос запер его в лабиринте на Крите, он смастерил крылья из птичьих перьев, вместе с сыном Икаром взмыл в небо и улетел.

Продолжение истории нам хорошо известно: Икар взлетел слишком высоко, воск, скрепляющий перья, начал таять. Сын Дедала рухнул вниз и разбился о скалы.

Много лет спустя Питер Брейгель написал картину “Падение Икара”. Величественный корабль заходит в порт, пахарь пашет землю, пастух пасет овец, а где-то вдалеке видно ногу тонущего Икара и остатки перьев. Тадеуш Ружевич⁵ написал об этой картине:

Драма Икара не их драма она и должна была кончиться этим и нет в том ничего потрясающего что прекрасный корабль плывет дальше в порт назначения⁶.

Андреа, служащая афинского банка, повесила копию картины Брейгеля на холодильник. Еще она собирает стихи и рассказы об Икаре. Стихотворение Ружевича?

– Красивое, но не правдивое. В глобальной деревне нет чего-то такого, как “не наша драма”, – говорит она. А потом несколько поэтически добавляет: – Сегодня Икары тоже мечтают полететь к лучшей жизни. Здесь, на этом побережье, их мечты разбиваются о скалы. А Икар из мифа утонул... в пятидесяти километрах отсюда, на острове Икария.

Два года назад Андреа переехала из Афин на остров Лесбос.

– В первый же день я решила проехать на машине по острову. За городом я увидела женщину с младенцем, завернутым в одеяло. Я отвезла ее и ее подругу в город. Они только что приплыли на лодке из Турции, и в порту их должен был ждать следующий проводник.

Оказалось, что таких женщин на Лесбосе можно встретить каждый день. В сезон не бывает дня, чтобы через центр Митилены, самого крупного города на острове, не проходили группы иммигрантов. За год их здесь проходят тысячи. На местном кладбище уже больше ста могил с надписью “иммигрант NN”. Это те, чьи тела море выбросило на берег.

– Большинство уже заранее договариваются с кем-то, кто повезет их дальше, – говорит Андреа. – Но есть и те, кто не знает, как быть, и те, кто попадает в лапы наших спецслужб.

Чтобы помочь иммигрантам, Андреа с друзьями основала общество “Икары”. Летом, когда больше всего людей стремится попасть в Грецию, они объезжают побережье, раздают одеяла и одежду, рассказывают иммигрантам об их правах, предлагают помощь юриста, врача, переводчика.

– Все это должно обеспечивать наше правительство, – говорит Андреа. – Но оно плевать хотело.

Мы сидим в местном баре, и во время нашей беседы по улице проходят две женщины и двое мужчин. Они насквозь промокли и, видно, ужасно устали. У одной из женщин на голове платок. Вторая бредет с непокрытой головой, но, судя по ее отсутствующему виду, она плохо понимает, где находится.

– Похоже, она больна. Или же пережила что-то страшное, – говорит Андреа.

У каждого из прохожих маленький рюкзак. Мужчины в джинсах и полосатых рубашках неуверенно оглядываются. Мы подбегаем к ним. Андреа спрашивает, не нужна ли им помощь.

Иммигранты в ужасе.

⁵ Тадеуш Ружевич (1921–2014) – польский писатель, драматург, поэт.

⁶ Тадеуш Ружевич, “Дидактический рассказ. Права и обязанности”, перевод Вл. Бурича.

– Пожалуйста, не надо с нами разговаривать. Пожалуйста, не смотрите на нас, – говорит старший из мужчин. – Всего два часа, и нас тут не будет. Пожалуйста, уважаемые, не обращайтесь на нас внимания.

Лодки

Ни один из иммигрантов, с которыми мы познакомились, не дал себя сфотографировать. Поэтому мы с фотографом объезжаем дикие пляжи возле Чешме и Айвалыка. Затем – каменные побережья острова Лесбос. Казим – тот, в темно-синих штанах и высоких ботинках, который ищет тела, – говорит, на какие пляжи он с товарищами не ездит. Мы объезжаем все.

В разных местах мы находим выброшенные на берег дырявые резиновые лодки. Всего пять. Возле одной из них, неподалеку от Чешме, еще плавают вещи: куртка, шапка и шлепанцы.

Мы звоним в полицию.

– Э-э-э, да это, наверное, кто-то выбросил, – отмахиваются полицейские. – Людям лень на помойку отнести, вот они в море и выбрасывают.

Орчур Улусой, юрист, помогающий иммигрантам в Измире, говорит:

– В этих местах даже кепка с козырьком, выброшенная морем, означает чью-то трагедию. К несчастью, наша полиция по-прежнему считает, что это проблема исключительно Евросоюза.

Что я о вас думаю

Махмуд не нашел Юсуфа. Правда, он где-то слышал о ливанце, который работал в гостинице. Но был ли это Юсуф и что с ним потом случилось, он не знает.

Мы снова пьем кофе, но на этот раз не в кафе, а в магазине, торгующем электрооборудованием. Это магазин приятеля. Махмуд время от времени за ним присматривает.

– Я впутался в плохие дела, – неожиданно говорит он. – Не для того я столько лет учился, чтобы краденые паспорта продавать. Я должен был стать уважаемым переводчиком, учителем, может, даже преподавателем университета. Но, когда мне было столько лет, сколько тебе, пришла война. Потом иммиграция. А теперь со мной уже кончено.

Мы немного молчим, потому что я не знаю, что сказать на такое неожиданное признание. Махмуда это молчание, кажется, раздражает.

– Знаешь ли ты, что среди иммигрантов в Турции сегодня больше всего иракцев? – спрашивает он наконец. Это правда. С начала войны более пяти миллионов его соотечественников бежали из страны. – Поляки, англичане, американцы, из-за вас в моей стране невозможно жить. А теперь вы закрываете перед нами двери на засов. Это и есть та самая пресловутая демократия, которую вы так старательно у нас насаждаете? – в его голосе все сильнее слышится вызов.

Я не знаю, что ответить. Сижу тихо. Махмуд успокаивается. Вынимает из кармана листок бумаги.

– Сейчас я тебе скажу, как ты меня отблагодаришь. Когда будешь писать свою статью, вставь мое обращение. Оно короткое.

И Махмуд читает по бумажке: “Я, Махмуд Х., бывший переводчик американских войск, обращаюсь к Западной Европе с большой просьбой. Пришлите сюда войска и кастрируйте нас всех. Нам и так нечем кормить своих детей. А стоит нам захотеть приехать к вам и честно трудиться, вы стреляете в нас и выгоняете.

Кастрируйте нас. Вы облегчите жизнь и нам, и себе”.

“Это из любви к тебе, сестра”

1

Хатидже прикрывает рукой рот, словно боится, что из нее посыплются слова. Она не хочет говорить. Она никогда ни с кем об этом не говорила. И не собиралась.

Я убеждаю ее, что ей ничего не грозит.

Но дело не в страхе. Хатидже попросту не знает, как рассказывать о том, что ей довелось пережить.

Как рассказать об отце? Во всем мире отцы любят своих дочерей.

Отец Хатидже хотел ее убить.

Как рассказать о матери? Мать должна защитить дочь собственным телом.

Мать Хатидже кричала мужу: “Когда ты наконец убьешь эту шлюху?!”

Как рассказать о брате, который пришел в ее дом с ножом?

О сестре, с которой с малых лет они спали в одной кровати и которая не захотела ее предостеречь?

Если бы муж Хатидже, Ахмет, не был сильным человеком, ее бы уже не было в живых.

Мы встречаемся в их доме. Уславливаемся, что, если они будут не в состоянии говорить, я не стану настаивать.

Хатидже встречает меня в шароварах с восточным узором. На голове у нее платок, плотно прикрывающий волосы. У Ахмета пышные усы, на нем фланелевая рубашка в клетку. Обоим по двадцать два года. Они вместе пять лет. Их брак, как и почти все браки в деревне, заранее устроили родители. Но они очень счастливы.

Обстановка в их квартире – два стула, топчан да ковер на стене. На большее они пока не заработали. Детей нет. Они живут возле рынка, где можно купить фисташки, арбузы, сыр и хлеб. Ахмет там работает, продает мед. У них есть друзья. Они начали новую жизнь.

Старая жизнь закончилась четыре года назад, когда Ахмет пошел в армию. Хатидже должна была на это время переселиться к его тете. Тетя – вдова, живет с сыном, казалось бы, лучше не придумаешь. Женщина на востоке Турции не должна жить одна. Это аморально.

Проблема была в том, что на следующий день после отъезда Ахмета в дверь Хатидже постучал второй сын тети, Абдулла. Он не должен был этого делать. Хатидже велела ему уходить.

Он ушел, но через день вернулся. Начал дергать дверную ручку, орал:

– Открой, не то убью!

Хатидже будто остоленела. Она не знала, как быть. Кричать? Абдулла сделает вид, что не понимает, о чем речь. Он никогда не признается. Сказать тете? Всевышний Аллах! Да кто ж поверит женщине?!

Хатидже изо всех сил держала дверь, и Абдулла сдался. Но на следующий день решил отомстить.

2

Диярбакыр сверху похож на блин с вздувшимися воздушными пузырьками. Кое-где виднеются темно-коричневые осколки. Когда самолет снижается, я вижу, что это камни, разбросанные так, словно они выросли из-под земли.

По краям этой равнины протянулись голубые нити Тигра и Евфрата, служивших некогда границами Месопотамии. Здесь зародилась первая цивилизация. Здесь в давние времена искали следы библейского Эдема. Совсем рядом появились на свет патриархи Авраам и Ной.

Проблема, о которой пойдет речь, наверняка существовала уже в те времена.

Въезд в город – в стене из черного кирпича. Ее построили византийцы больше тысячи лет назад. Если верить путеводителю, то это вторая после Великой Китайской самая знаменитая стена в мире. Сюда должны бы приезжать тысячи туристов. Но не приезжают. У Диярбакыра дурная слава. Это столица страны, которой нет, – Курдистана. Страны людей, готовых с оружием в руках бороться за ее появление на карте.

Еще несколько лет назад большой бизнес обходил этот город стороной. Но с тех пор, как курды перестали подкладывать бомбы, а армия – обстреливать близлежащие села, предприимчивые бизнесмены добрались и сюда. В городе миллион жителей. Главной пешеходной улицы не постыдился бы ни один европейский город. Современные магазины, дорогие рестораны. С каждым месяцем их становится все больше и больше – демон потребления обосновался в Диярбакире навсегда.

И только пожилые мужчины с бородами патриархов не принимают в этом участия. Они сидят в тени деревьев возле мечетей и ворчат. Они не любят телевидения, мобильных телефонов, джинсов, коротких юбок, школ и газет. Не любят ничего, что вносит сумятицу в их размеренную жизнь. И ничего, что подвергает сомнению их извечные принципы.

3

Каждый год на востоке Турции находят убитыми несколько десятков девушек. Многие погибают при невыясненных или странных обстоятельствах. Это жертвы убийств в защиту чести семьи – традиции, которая велит родственникам убивать женщин, запятнавших честь рода.

Айше Гёккан, журналистка курдского телевидения, пишет книгу об убийствах чести:

– Здесь культура основана на доминировании мужчин. За любой попыткой сопротивления неминуемо следует расплата.

Айше Фиген Зейбек представляет организацию *Kamer*, которая борется с насилием в семьях:

– Этой неписаной традиции несколько тысяч лет. Границы ее размыты. Порой прощается даже супружеская измена. При этом можно умереть за одно лишь желание носить джинсы.

– Что-что?

– Погибают девушки, которые хотят быть независимыми. В последние годы нужда заставила многие семьи перебраться из деревень в Диярбакыр. Для многих это как перенестись из Средневековья в современность. Сильнейший шок, прежде всего для девушек.

– Почему?

– Они оказываются в центре глобальной деревни. Мобильные телефоны, интернет, MTV. Они видят ровесниц, которым позволено выходить из дома без сопровождения мужчины. Которые могут красиво одеваться, а не ходить замотанными в платок и в шароварах. Которые могут встречаться с парнями до свадьбы. И вчерашние селянки хотят жить как они.

Их отцы тоже в растерянности. Уследить за дочерью в деревне просто. В городе – Аллах знает, что ей может взбрести в голову. А дочь, вместо того чтобы сидеть дома, как ее мать, бабка и прабабка, приходит и говорит: хочу в кино, хочу на прогулку, хочу новые туфли. Чаще всего гибнут лучшие девушки, самые открытые, самые смелые.

В тот день, когда я смотрел из самолета на Месопотамию, в Шанлыурфе отец убил дочь. Почему? Потому что она отправила на радио эсэмэс с поздравлениями для своего

парня. В эфире прозвучали ее имя и фамилия. Отец решил, что она уже лишилась невинности.

Двумя неделями ранее в городке Сильван муж убил жену. Семье сказал, что на момент заключения брака она не была девственницей. Родители признали, что он поступил правильно.

4

Когда Абдулла рвался к Хатидже, в ста километрах от них разыгрывалась другая драма. В деревне Ялым неподалеку от Мардина, красивейшей древней крепости, тридцатипятилетней Шемсе Аллак изнасиловал пятидесятипятiletний мужчина.

Люди говорят, что Шемсе была немного сумасшедшей. Хозяин магазина в Мардине утверждает, что она была умственно отсталая.

Но возможно, речь идет о другом виде безумия. Учительница ткачества, хорошо знавшая Шемсе, говорит, что та не хотела выходить замуж. Поэтому люди из деревни сочли ее ненормальной.

Насильника звали Халил Аджил. У него была жена и двое детей. Он жил на окраине деревни. За его домом начинались поля, усыпанные камнями.

Шемсе жила с отцом, матерью и братьями ближе к центру, около дороги, ведущей к мечети. Возвращаясь с поля, она каждый день проходила мимо дома Халила. Злые языки говорят, что Халил ее не насиловал. Что Шемсе давно с ним спала, а байку про изнасилование выдумала, узнав, что беременна. Но, кроме сплетен, ничто не подтверждает этой версии – ни следствие, проведенное полицией, ни женские организации.

Неизвестно, нравилась ли Шемсе Халилу. Одни говорят, что он был давно в нее влюблен. Другие – что он думал, будто ему все сойдет с рук. Мол, даже если Шемсе расскажет о насилии, никто не поверит сумасшедшей.

Когда Шемсе забеременела, ее родные пришли к Халилу и сказали: “Либо ты на ней женишься, либо мы убьем и ее, и тебя”. Мужчина уже был женат. Но ему предложили мусульманский брак.

В присутствии государственного чиновника можно взять в жены только одну женщину. В присутствии слуги божьего имама – двух или трех.

Халил готов был согласиться, но семья Шемсе потребовала несколько тысяч турецких лир в придачу. У Халила столько не было. Братьям пришлось уйти ни с чем.

Но и они, и Халил знали, что этим все не кончится. Любящая семья всегда защищает честь своих дочерей.

5

Корни убийств чести отыскать невозможно. Скорее всего, такие убийства связаны с племенными традициями кочевников. Отец мог получить за дочь выкуп, только если та была девственницей. Если нет, муж отсылал ее обратно к родителям. Мало того что она позорила семью, так еще и приходилось ее содержать. Для кочевников количество голодных ртов в семье было жизненно важно. Выкуп тоже. Вероятно, говорят ученые, именно поэтому кочевники начали убивать своих дочерей.

Убивали также женщин, желающих развестись, ведь в этом случае приходилось возвращать выкуп. Убивали и тех, кто не хотел выходить замуж за того, кого выбрали родители.

Айше Фиген Зейбек из организации *Kamer* говорит:

– Трагическая смерть Шемсе Аллак потрясла всю Турцию. Над ее могилой мы довольно дерзко озвучили нашу программу. Каждой женщине, которая к нам обратится, мы гарантируем жизнь.

– И чего удалось добиться?

– Начиная с 2003 года мы спасли почти 150 девушек. Если семья твердо намерена совершить убийство, мы ищем девушке убежище в другом городе. Отправляем ее туда и помогаем начать новую жизнь. Вся информация держится в строжайшей тайне, поскольку некоторые кланы обладают большими средствами и возможностями. Два года назад дочь одного из глав клана убежала с парнем. За ней гнались на двадцати машинах. Искали во всех больших городах. Нашли, но она успела сбежать от убийцы через окно, и с тех пор никто не знает, что с ней.

– Как вы узнаете, насколько серьезно настроена семья?

– Среди нас есть психолог. Он оценивает, можно ли доверять родственникам, если они обещают не убивать.

– А они обещают?

– Это сложный процесс. Нельзя просто прийти к ним домой и сказать: “Я знаю, что вы собираетесь убить вашу дочь. Не делайте этого!” Сначала мы собираем информацию. Если семья религиозная, с нами идет имам. Если отец работает на фабрике, просим директора нам помочь. Как-то раз нам помогал врач, лечивший бабушку. В другой раз из Анкары позвонил министр, приходившийся семье родственником. Все говорят одно: “Не нужно убивать! Есть и другие пути решения”.

– И как реагируют семьи?

– Несколько дней назад я была в Вираншехире, маленькой деревеньке под Шанлыурфой. Семья велела девушке совершить самоубийство. Дядя прислал эсэмэс: “Либо ты покончишь с собой, либо умрешь в муках”. Почему? Потому что у нее в школе был парень, и он подвозил ее на машине. Для деревни это немыслимо.

– И что?

– Я всегда очень странно себя чувствую, когда приходится торговаться с семьей за жизнь их дочери. Но у меня уже есть свои приемы. Говорю, что я тоже местная. Что у моей дочери тоже есть парень, и я не собираюсь ее из-за этого убивать. Показываю фотографии в телефоне. Рассказываю, что у дочки способности к математике, а вот с турецким дела идут не очень. В этот раз отец попался на мою удочку. Начал жаловаться, что его дочери приходится учить турецкий. Что все из-за этой школы, мол, зачем курдам сдался турецкий.

Я всегда пытаюсь пробудить в них родительские чувства. Спрашиваю, сколько весила дочка при рождении. Чем болела. Какое первое слово сказала: мама или папа. Если это удастся, полдела сделано.

– А в этот раз? Удалось?

– Обещали ее не трогать. Дочь поклялась возвращаться из школы со старшим братом. Хотя риск есть всегда. В прошлом году был громкий случай: муж одной женщины, Айшегюль Алпаслан, в присутствии полицейских обещал, что никогда ее пальцем не тронет. Неделью спустя он забил ее до смерти.

6

Что такое честь? Этот вопрос задала жителям восточной Турции профессор Якин Эртюрк из группы добровольцев, составляющих отчет для Программы развития ООН (ПРООН). Отчет под названием “Динамика убийств чести в Турции” – наиболее полное исследование на эту тему.

1. “Честь – это то, ради чего все мы живем. Без нее жизнь не имеет смысла”, – девушка из Шанлыурфы.

2. “Твоя честь – это твоя жена”, – мужчина, 25 лет, Стамбул. Говоря “жена”, он употребил слово *helalin* (тот, правом на кого ты обладаешь).

3. “Старые люди говорят, что у мужчины есть три святыне вещи – конь, женщина и оружие. Честь – это обязанность женщины. Если она хочет тебе изменить, значит, ты потерял свое достоинство”, – мужчина, 39 лет, Адана.

4. “Честь для меня все... Будь у меня жена, она была бы моей честью. Моя сестра – это тоже моя честь, как и мои родственницы – дочь моего дяди и моей тети. Все, что происходит со мной и моей семьей, – это моя честь”, – мужчина, 24 года, Батман.

5. “Честная женщина должна быть привязана к дому и к своему мужу. Она не должна делать ничего, что могло бы породить сплетни. Не должна рассказывать о том, что происходит в ее доме. Она не может пойти к матери и сказать: “Мама, муж меня бьет”. Или: “Я хочу развестись”, – женщина, 25 лет, Батман.

Но лучше всего сущность понятия “честь” передал молодой человек из Стамбула: “Когда я слышу – “честь”, мне в голову приходит только женщина. Ничего больше”.

Либеральный журналист из Анкары:

– По их мнению, честь – у женщины между ног.

Профессор Эртюрк отмечает, что самые ярые радикалы, ратующие за наказание женщин, – необразованные мужчины в возрасте 16–20 лет.

7

Все начинается со сплетни. Об этом мне рассказывает курдский режиссер Мехмет Саит Алпаслан, автор фильма и пьесы о смерти Шемсе Аллак.

Сплетня возникает внезапно. Ее может породить простой взгляд или случайная улыбка, когда мимо проходит мужчина. Но иногда повод не нужен. Достаточно одному начать, а другому продолжить.

Сперва сплетня похожа на ястреба: кружит высоко над головами. С такой высоты она не причинит вреда. Иногда она улетает – значит, опасность миновала.

Но иногда она снижается. Идет к людям, питается их желчью, обидами, нищетой и завистью. Дурные люди кормят ее, пока она не наберется сил, чтобы войти в деревню.

Она входит как охотник. Жертва еще ни о чем не подозревает, но приговор уже вынесен. Сплетня, проклятие, кинжал. Убийца заточил нож.

Неважно, сколько в сплетне правды. Никому и в голову не придет проверять. Важно, что она порочит.

Сплетня гораздо важнее правды. Правда не приносит свободы. Важно только то, что говорят люди.

Мне нелегко, зная такое, гулять по Диярбакыру. Я сворачиваю в боковые улочки. Здесь у детей дырявая обувь, а их матери целыми днями сидят на крыльце и болтают. Ничего не происходит. И вдруг на горизонте возникает зеленое пятно. Оно растет, но не обретает знакомых очертаний. Поспешно подыскивается нужное слово. И находится: *yabancı*, иностранец.

Сначала меня окружает толпа детей. Они что-то говорят, галдят. Просят монетку, конфет, но все это скорее для смеха, чем с надеждой, что им и в самом деле что-то перепадет. Ведь наконец хоть что-то происходит. Хоть что-то приходит на смену скуке.

Их матери совсем молоденькие, им нет и двадцати. Они улыбаются. Им тоже скучно. Они бы охотно поболтали. Но в этом городе мужчина должен заговорить первым.

Надо ли мне ответить на улыбку? Хотелось бы. Я люблю такие встречи. Но именно так и рождается сплетня.

Потом кто-то обронит, что одна из женщин слишком часто или слишком широко мне улыбалась. Или смотрела на меня на пять секунд дольше, чем следовало. И неважно, насколько абсурдным будет упрек, он может стоить кому-то жизни.

Возможно, я преувеличиваю, но у меня такое чувство, что моя улыбка может убить. Я опускаю глаза и иду своей дорогой.

8

Сплетня кружила над головой Хатидже как ястреб. В центре каждой турецкой деревни есть маленькая чайная, где мужчины проводят целые дни. Абдулла шепнул нескольким знакомым, что жена Ахмета – шлюха.

– Не успел он уехать, как она меня позвала! Я с ней спал. И сегодня буду спать!

В деревнях, где неделями ничего не происходит, мужчины любят такие истории. В регионах, где добродетель важнее жизни, люди с особым любопытством слушают истории о грешниках.

Друзья Ахмета причмокивали с восхищением: *çapkin seni, abi!* Ну ты мужик, брат!

Затем они рассказали своим знакомым. А те своим.

Через несколько недель в деревне только об этом и говорили.

А ничего не подозревающей Хатидже приходилось каждую ночь баррикадировать двери, чтобы не дать Абдулле войти в ее комнату.

9

Нигде в мире братья так не любят своих сестер, дети родителей, а родители детей, с гордостью говорят о себе турецкие курды. Но как же тогда отцы могут убивать дочерей, а мужья жен?

Из любви.

Айтекин Сыыр, профессор психиатрии из университета в Диярбакире, проводил на эту тему исследования. Он посетил примерно полсотни исполнителей убийств чести, отбывающих срок в тюрьме. Большинству из них предстоит просидеть за решеткой до конца жизни. Всем он задавал одни и те же вопросы.

Профессор Сыыр рассказывает:

– Убийство чести – это не преступление, совершенное в состоянии аффекта, как бывает, когда муж застаёт жену с другим, хватается за пистолет и стреляет. Это хорошо обдуманный поступок. Сначала собираются старейшины рода, поскольку все это происходит в клановых структурах. Обсуждают случившееся и принимают решение. Затем назначают исполнителя. Отец или муж часто не хотят соглашаться с приговором. Но со старейшинами не спорят – хуже будет. Бывало, что муж, не желающий убивать жену, погибал вместе с ней.

– Кого обычно назначают убийцей?

– Кого-то из близких родственников. Для большинства это первое убийство в жизни. Часто после содеянного они пребывают в состоянии шока.

– Что говорят?

– Что поступили правильно. Что за поругание чести семьи наказание одно – смерть. Все члены сообщества будут убеждать их в их правоте. Как защитники чести, они даже в тюремной иерархии займут высокое положение. Один из вопросов в нашей анкете звучал так: “Что бы вы сегодня сказали своей жене/сестре/дочери?” Большинство теряли самообладание. До того они говорили об убитой “эта женщина”. Теперь нужно было обращаться к ней лично. Они отвечали: “Сказал бы, что люблю ее. Что поступил так, как должен был поступить. И что знаю, что она меня понимает”.

– Как они объясняют свой поступок?

– Я разговаривал с братом, убившим сестру, у которой был молодой человек в лице. Обычный парень, на свободе мечтал стать шофером. Спрашиваю, действительно ли наказанием за школьный роман должна быть смерть. Он на это: “Она запятнала мою честь. Для меня честь превыше всего. Честь – это все, что у меня есть”. Думаю, что сегодня это главная причина убийств. В деревнях, где нет работы, денег и будущего, людям остается только честь. Те, кому повезло – у кого есть бизнес, деньги, перспективы, – редко убивают.

10

Халил уже понимал, что изнасилование не сойдет ему с рук. Что на карту поставлена жизнь. Он обратился за помощью к имаму. Одни говорят, что имам отказал. Другие – что имам сначала отказал, а затем послал за Халилом и братьями Шемсе и старался их помирить.

Тем временем сплетня набиралась сил в домах крестьян из Ялыма. Люди говорили, что Шемсе сама спровоцировала Халила. Что незамужняя женщина ее возраста наверняка шлюха. А раз она шлюха, ее нужно наказать.

Сплетня уже стала сильной, как лев. Семья Шемсе на тайном собрании решила, что девушка должна умереть. По крайней мере, так сегодня говорят люди в Ялыме.

Но Халил поступил так, как не ожидал никто.

11

Убийства чести совершают почти исключительно мусульмане. Как это соотносится с исламом? Велит ли Коран убивать неверных жен?

Я ищу ответа в профсоюзе имамов округа Диярбакыр. Высокий как тополь глава профсоюза Захит Гифкуран объясняет, что тот, кто подозревает жену в измене, должен отправиться домой с четырьмя свидетелями-мужчинами. Если они застигнут любовников на месте преступления, суд назначит тем пожизненный домашний арест.

– В Коране нет ни слова о наказании смертью, – говорит имам Гифкуран. Больше ему добавить нечего, поэтому наш разговор подходит к концу. Только старенький имам, сидящий в углу зала, хочет еще что-то сказать. Его зовут Сулейман Базнабаз, и почти всю свою жизнь он прослужил в маленькой деревушке неподалеку от Диярбакрыра.

– Каждая женщина знает, что может прийти ко мне, если почувствует угрозу, – говорит он. – Если ей грозит опасность, я стараюсь поговорить с ее семьей. Иногда достаточно вмешательства кого-нибудь трезвомыслящего, чтобы предотвратить преступление. Если семья религиозна, то меня обязательно послушаются.

– Что ходжа имеет в виду?

– Приведу пример. Девушка сбежала с молодым человеком. “Убьем ее!” – кричит отец. А я спрашиваю:

“А почему бы не выдать ее за него замуж?! Его семья даст вам много денег и немного земли. Честь спасена, а через несколько лет все об этом забудут. Ваш сын не сядет в тюрьму за убийство”. И они соглашаются. Другой пример: юноша использовал девушку без ее согласия.

– Изнасиловал?

– Так говорится. Ей было тринадцать лет, семья хотела ее уберечь, но об этом судачила вся деревня. Говорю: “Пожените их! Мальчик не сядет в тюрьму. Девушка выйдет из этой ситуации с честью”.

– Замуж? За насильника?!

– Сынок, я ей жизнь спас. И знаешь, что было дальше?

– Что, ходжа?

– Они друг друга полюбили. Она приходила ко мне и говорила: “Ходжа, я так счастлива”. Она уже забыла о том, что произошло.

– А бывает, что посредничество не удается?

– Был такой случай. Девушку использовал сын дяди, она забеременела. Я позвал ее жить к себе, пока родственники не договорятся. Она полгода жила со мной и моей женой. Я сказал семье, что разрешаю ему взять вторую жену. Нужно только условиться о выкупе. Юноша готов был на ней жениться. Он был из очень богатой семьи. Его отец мог за все заплатить.

– И что произошло?

– Первая жена устроила страшный скандал. Изуродовала себе лицо и сказала, что скорее умрет. Семья девушки не хотела ждать, пока родится ребенок. Они ворвались в мой дом, похитили ее и утопили.

12

Старейшины семьи Хатидже собрались поговорить о слухах, распускаемых Абдуллой. Решили, что девушка должна умереть. Впустила она его к себе или нет, об этом уже слишком много толкуют.

Ахмет был в армии. Никто ни о чем ему не сообщал. Убийцей назначили брата Хатидже, Метина.

Метин пришел рано утром, когда Хатидже доила коров. Он подошел сзади и хотел вонзить нож ей в спину. Но не смог. Ему было всего семнадцать, скотину резать ему уже приходилось, но убить человека оказалось не так-то просто.

Хатидже обернулась и увидела брата с ножом. Она не знала, почему он хочет ее убить. Но женщинам в этом регионе не обязательно знать причину. Подобные картины они видят с детства. Хатидже знала, что если ей вынесли приговор, то рано или поздно приведут его в исполнение. Она бросилась бежать.

Бежала что было сил до Диярбакыра. Восемь километров. Сама не знает, как туда добралась. В городе она пошла в полицию.

Полицейский спросил, что именно произошло.

– Мой брат хотел меня убить.

– Откуда вы знаете?

– Он стоял надо мной с ножом.

– Может, он в этот момент проходил мимо, и ему зачем-то нужен был нож?

– Нет, он пришел за мной.

– В чем вы провинились?

– Я не знаю.

– Если вы ничего дурного не сделали, то наверняка вас убивать никто не станет, – усмехнулся полицейский и велел ей возвращаться домой.

К счастью, Хатидже слышала раньше об организации *Kamer*. Она решила ее найти.

Это было непросто. Она никогда не ходила по городу одна. Ей никогда не доводилось искать улицу, а уж тем более организацию. Расспросы прохожих могли для нее плохо кончиться. Деревенская девушка одна на улицах города? Это странно.

Но ей повезло. В приемной добровольцы выслушали ее рассказ. Подыскивали ей убежище для женщин и обещали помочь.

13

Еще недавно убийства чести считались делом семейным, в которое не следует вмешиваться. Но по всей Турции прошло несколько громких кампаний. Плакаты появились даже в самых маленьких деревушках. Помимо *Kamer* в одном только Диярбакыре возникло около тридцати организаций, помогающих женщинам. Сегодня почти каждая знает, куда обратиться в случае необходимости.

Правительство пытается заставить семьи посылать дочерей в школы. Жертвами убийств чести становятся прежде всего необразованные девушки. Те, кому удалось получить школьное образование, сумеют в нужный момент найти помощь. В акции “Все девочки – в школы” принимали участие даже имамы.

Но семьи, которые сочли себя опозоренными, придумали другие способы очищения.

Профессор Айтекин Сыыр говорит:

– Мы заметили, что в нашем регионе угрожающе возрастает число самоубийств среди девушек. Во всем мире с собой чаще кончают юноши. А у нас наоборот. Мы стали внимательно присматриваться к таким случаям. В Мардине застрелилась молодая женщина. Вскоре после начала расследования выяснилось, что она была левой, а выстрел был произведен с правой стороны. Позже оказалось, что ее убил муж. В другом случае женщина покончила с собой выстрелом в затылок.

– Как это?

– Женщин убивали, а затем объявляли, что это самоубийство. Или несчастный случай. Под городом Ван трактор задавил девушку. “Несчастный случай”, – твердила семья. А когда произвели вскрытие, оказалось, что трактор проехал по ней раз сорок.

Айше Гёккан изучила все случаи самоубийств девушек из Диярбакыра в 2006 году:

– Был такой случай. Молодая жена, прежде чем ее убили, несколько раз обращалась в полицию. Говорила:

“Муж хочет меня убить”. А ее отправляли домой. Через неделю она была уже мертва. Смотрю в бумаги: самоубийство. Полиции так удобнее, потому что они сами виноваты. Проблема в том, что полицейские – из той же среды. Они носят мундиры, но в головах у них то же, что у мужа и брата такой девушки.

Айше Фиген Зейбек из организации *Kamer*:

– Противники вхождения Турции в Европейский союз говорят: “Они убивают девушек. Не позволим им присоединиться к ЕС”. А я говорю: “Ничто не помогло нам так, как перспектива членства в ЕС. Это спасло жизнь десяткам женщин! Мы должны войти в Евро-союз, чтобы справиться с этой проблемой!”

14

Шемсе убежала к своему насильнику Халилу. Она знала, что родные будут пытаться ее убить.

Одни говорят, что Халил ее принял, так как у него не было другого выхода. Другие – что он ее действительно любил. Он спрятал Шемсе в подвале, а ее братьям сказал, что не знает, где она. Придумал, как им обоим спастись. Ночью он вывел Шемсе в поле. Хотел обойти деревню и добраться до шоссе. Там поймать машину или сесть на автобус до Мардина. Что потом собирался делать Халил, мы не узнаем уже никогда.

Одни говорят, что деревню разбудил лай собаки. Другие – что кто-то увидел тени, крадущиеся по полям. Третьи – что братья Шемсе прятались возле дома Халила. Что-то из этого правда, потому что внезапно посреди ночи в поле появилась толпа. Сколько было людей, не удалось выяснить даже полиции. Неизвестно и то, кто первым бросил камень. Известно только, что собралось от 12 до 18 человек. Что камни бросали мужчины и пожилые женщины, а среди них вертелись дети.

Халил попытался заслонить Шемсе собственным телом. Он погиб первым.

Когда ярость остыла, люди вернулись в свои постели.

Утром солдатский патруль нашел посреди поля два тела, заваленные грудой камней.

15

Шемсе Аллак не умерла в поле. Когда солдаты откопали ее тело, она была еще жива. Она потеряла ребенка, была без сознания, но дышала. Ее отвезли в больницу в Диярбакыр. Она так и не пришла в себя. Хоронили ее члены женских организаций. На похоронах не было никого из родственников.

Деревня будто сговорилась молчать. Поэтому так и не удалось установить виновных. Братья Шемсе по-прежнему живут в Ялыме. Жена Халила только в прошлом году переехала в Стамбул.

Через три года после того побоиения камнями я направляюсь в Ялым поговорить с жителями. Деревня лежит в предместьях миллионного города Мардин. При въезде гостей встречает большой голубь с оливковой ветвью в клюве.

Людям мы говорим, что нас прислал Евросоюз и что мы изучаем положение курдов. Я предпочитаю не рисковать, нескольких журналистов уже прогнали отсюда с кулаками. А с Евросоюзом здесь связаны большие надежды.

Мужчины приглашают нас на чай. У всех иссиня-черные пышные усы. Мы сидим на главной сельской площади и слушаем. В Ялыме из ста двадцати жителей работают от силы тридцать. Часть только летом, во время полевых работ. Но большинство круглый год проводит в чайной.

– Чем вы обычно занимаетесь? – спрашиваю я самых молодых, с виду им лет по тридцать.

– Ну, сидим. Чай пьем...

По-турецки они говорят плохо, поэтому моя переводчица переходит на курдский. Они оживляются: все жители деревни – курды. Но у них даже нет возможности смотреть курдское телевидение, поскольку администрация Мардина блокирует сигнал спутниковых антенн.

– Мы понимаем по-турецки. Но наши жены – нет, – говорят они.

– Какие еще проблемы у ваших жен? – спрашиваю я.

– Нет медицинского обслуживания. Врачи не говорят по-курдски. Даже надписи на лекарствах только по-турецки. Они ни в одном учреждении объясниться не могут...

– А насилие? Случается? – спрашиваю я примерно десятерых мужей-курдов. Согласно статистике, именно они чаще всего в Турции бьют своих жен.

Минутное замешательство.

– То, что происходит у людей дома, нас не касается, – отрезает один из старших.

Я набираюсь храбрости и спрашиваю, изменилось ли что-нибудь в жизни деревни после трагического события трехлетней давности.

Они совещаются, о каком событии может идти речь. Решают, что о побиении камнями.

– Нет, ничего в деревне после этого не изменилось, – коротко отвечает пожилой мужчина.

Так же считает учительница ткачества, которая ведет занятия на окраине деревни. Разговор с нами требует от нее огромного мужества. Все видели, что мы вошли в ее мастерскую.

– У меня в мастерской работают только незамужние девушки. Работающая жена – позор для мужа. Девушкам от десяти до шестнадцати лет. На следующий день после убийства Шемсе я решила, что для них это серьезная травма. И что я должна с ними об этом поговорить.

– И что?

– Я осторожно спросила: “Вы, наверное, потрясены?” А мои девочки мне в ответ: “Эта сука получила по заслугам!”

– Почему они так думают?

– Потому что она была одинокой. Потому что раз он ее изнасиловал, то наверняка она сама его спровоцировала. Мои ученицы с малых лет усвоили такой образ мыслей.

– После смерти Шемсе что-нибудь изменилось?

– Люди стали более замкнутыми. Вся Турция говорила о Ялыме как о деревне убийц. Это было первое побиение камнями за несколько десятилетий. Пресса писала, что у всех нас руки в крови.

16

Когда Ахмет вернулся из армии, Хатидже попросила девушек-добровольцев из *Kamer* поговорить с ним.

Ахмет не желал разговаривать. Семья сказала ему, что Хатидже сбежала с другим мужчиной.

Когда он узнал, что все это время она была в убежище для женщин, сказал лишь: “Пусть возвращается”.

И Хатидже вернулась.

Отец, мать и брат делали вид, будто ее не знают. Они не сомневались, что она переспала с Абдуллой. Ее никто даже не спросил, как все было на самом деле.

Родители жены и старейшины клана велели Ахмету убить жену. Но Ахмет поверил Хатидже. Он взбунтовался.

И превратился в человека без чести. Пекарь перестал продавать ему хлеб, хозяин чайной перестал его замечать, а люди – отвечать на его приветствие.

– Вроде ты есть, а вроде тебя и нет, – говорит сегодня Ахмет. – Как-то раз я вошел в чайную и сам налил себе чай. Подошел работник и вылил мне его на ноги. Старые женщины плевали, завидев меня. За хлебом приходилось ходить в город, восемь километров в одну сторону. А братья решили убить меня вместе с моей женой.

В это же время Абдулла почти каждый день названивал Хатидже и говорил, что она будет его – если не на этом свете, то на том.

17

Ахмет и Хатидже решили не ждать развития событий. Женские организации нашли им жилье в Диярбакыре и дали займы немного денег, но Ахмет сумел быстро вернуть долг. Он очень работающий.

Через несколько дней они поехали в деревню забрать последние вещи. Хатидже взяла у кого-то диктофон. Ждала звонка Абдуллы.

Он позвонил. Рассказывал, в каких позах он ее поимеет. Говорил, что она шлюха и каждый может ее трахнуть.

Хатидже решила:

– Зачем ты всем врешь, что спал со мной? Я ни разу не впустила тебя в свою комнату!

Абдулла рассмеялся:

– И что с того? Тебя убьют, а я останусь жить. И если захочу, твоего отца и мать тоже убьют.

На следующий день Хатидже скопировала пленку с записью. Ахмет отправил копии своим родителям и родителям жены.

Через несколько дней те позвонили им на мобильный и попросили прощения. Уговаривали вернуться, мол, теперь все стало ясно.

Но Хатидже и Ахмет уже не хотели жить в родной деревне. С тех пор ни один из них не разговаривал со своими родителями.

Абдулла живет там до сих пор.

18

Девушка в белом платье стоит на сцене. С грустью смотрит на сидящих в зале и на окружающих ее людей. Один за одним они выходят на середину, и каждый произносит свою реплику.

Девушка в белом – Шемсе Аллак. Она вернулась из загробного мира и слушает своих преследователей.

– Доченька, почему я не спасла тебя?! – плачет мать. – Поверь, я хотела! Не позволили наши обычаи. Не позволил страх за собственную жизнь!

– Сестра, не думай, что я плохой человек, – кается брат. – Я убил тебя, потому что так было нужно. Потому что мы были слишком бедны, чтобы заплатить за нашу честь. Даже в тюрьме все увидели, что у меня доброе сердце. Потому и выпустили раньше срока...

Брата-убийцу сыграл режиссер и сценарист Мехмет Саит Алпаслан. Он объехал со своей труппой всю восточную Турцию. Пьесу о Шемсе часто играли в маленьких городках.

– Зрители делятся на два лагеря. Одни аплодируют, когда мать кричит: “Убейте ее! Она заслужила смерть!” Есть и такие, что рукоплещут и свистят, когда ее забрасывают камнями.

Но главное, что абсолютное большинство аплодируют после слов имама: “Позвольте им жить. Аллах запрещает убивать”.

Черная девушка

Избирательный штаб находится в Таксима, развлекательной части Стамбула.

В штабе царит скука. Журналисты умчались за очередной сенсацией. После них остались стены, обклеенные вырезками из газет: “Я переспала с 76 мужчинами за сутки”, “Я сделала четыре аборта”, “Полжизни я была проституткой”.

– Им и этого мало, – жалуется Салиха Эрмез, бывшая проститутка, а ныне кандидат в депутаты турецкого парламента.

– Они слышат: я сделала четыре аборта, а в глазах у них вопрос: почему только четыре? Почему не восемь? – добавляет Айше Тюркюкчу.

Бывшие проститутки организовали в Конье приют для преследуемых женщин. В Конье похоронен мудрец Руми, известный также как Мевлана, исламский святой Франциск. Это он основал орден дервишей, которые в экстатическом вращательном танце достигали единения с Аллахом и передавали людям его благословение. Но, хотя Руми всю жизнь проповедовал терпимость и мир, жители Коньи крайне консервативны. С бывшими проститутками им не по пути.

Айше и Салиха в 2007-м заявили о своем участии в выборах в меджлис – турецкий парламент. Они надеялись, что им удастся поведать всей Турции о своих проблемах.

– Детям-сиротам готов помочь каждый, – сетуют они, – а бывшим проституткам? Люди говорят: “Это был ваш выбор. Вы сами виноваты!” Никто не хочет знать, как все было на самом деле!

А как все было на самом деле?

История Салихи Эрмез

У Салихи темные глаза, на ней голубая футболка, а на голове мусульманский платок. Рассказывая о своей жизни, она все время плачет. Но подчеркивает, что уже давно научилась плакать и рассказывать одновременно.

Замужество

Я родилась в маленькой деревушке под Аданой, недалеко от Средиземного моря. У меня было пятеро братьев и сестер. Когда мне исполнилось одиннадцать, мама заболела. Сначала она перестала есть. Стоило ей хоть что-нибудь съесть, как ее тут же рвало. Она быстро слабела, не узнавала нас.

Когда она умерла, все хозяйство оказалось на мне. Мне приходилось убирать, готовить и заботиться о младших. Я старалась изо всех сил. Но папа не был доволен. Он отправил меня к своей сестре. Тетя ревновала, потому что дядя пытался меня трогать. Меня отправили обратно. Отец был в бешенстве.

Тогда-то и появился Мохаммед. Мы познакомились в больнице. Когда моя мама умерла, его мать тоже лежала там. Мне он не очень-то нравился, но я подумала, что лучше жить с ним, чем с моей семьей.

Отец сразу же согласился. Я вышла замуж, когда мне еще не было четырнадцати. Там, откуда я родом, в этом нет ничего необычного.

Развод

В первую брачную ночь мы спали вместе, и все было хорошо. Но утром начались проблемы.

Я проснулась в семь утра. Вся семья уже ждала. Мать мужа начала меня толкать и бить. “Как ты смеешь так долго спать? – кричала она. – Ты должна заниматься хозяйством!”

Я пыталась ей объяснить, что моя мама умерла, когда я была еще маленькая. Что я не умею вести хозяйство, но буду учиться. Дайте мне только время.

Муж молчал. Мать для турка – это святое.

Мы прожили вместе семь лет. Я родила ему двух дочерей. Все это время свекровь очень плохо со мной обращалась. Муж был на ее стороне. Со временем они начали бить меня вместе.

Когда мне исполнилось двадцать лет, я подала на развод. Получила я его без проблем. Вот только в том регионе Турции к разведенным женщинам относятся хуже, чем к проституткам.

Чайная

Я вернулась в родную деревню. Брат эмигрировал в Грецию. Сестра вышла замуж, тоже в четырнадцать лет. Отец снова женился и считал, что я должна вернуться к мужу. Что я его опозорила.

В центре каждой турецкой деревни стоит чайная. Мужчины просиживают там целыми днями, сплетничают, играют в карты, разговаривают о делах. Дорога в магазин лежала мимо чайной. Каждый раз я слышала, как они говорят: “Интересно, с кем эта шлюха сегодня переспала”. Или: “Ибрагим, иди заговори с ней, она наверняка тебе даст”. Они громко смеялись, все время обсуждали, кто меня поимеет, а кто уже поимел.

Мне пришлось оттуда уехать.

Магазин

Я перебралась в Адану. Думала, что в большом городе меня никто не узнает. Нашла работу в магазине. Сначала работала нелегально. Кассиром. У меня хорошо получалось, и начальник решил подписать со мной договор. И тогда из документов он узнал, что я разведена. Зачем такое писать в бумагах? Я не знаю.

Шеф перевел меня на склад. По официальной версии – чтобы я не отпугивала клиентов. Но настоящая причина была в другом.

Работать на складе было гораздо тяжелее. Мне приходилось таскать коробки. А шеф при каждом удобном случае норовил меня облапать. “Ты молодая, красивая, – говорил он. – Ты еще на многое годишься”. Ему не мешало то, что у него самого была жена и двое детей. Он тоже считал, что, раз я развелась, каждый может мной обладать.

Я плакала ночи напролет. Когда несколько недель спустя приятели познакомили меня с Хасаном, я решила, что сам Аллах пришел мне на помощь.

Хасан

Он элегантно одевался. Говорил, что любит меня и что я красивая. Сегодня я понимаю, что это не бог весть какие комплименты. Но тогда я впервые в жизни слышала приятные слова.

Когда я ему сказала, что ко мне пристает начальник, он пошел и набил ему морду. Сказал, что больше я на работу не пойду. Что он сам будет обо мне заботиться. С ним я смеялась. Целыми днями, от счастья.

Друзья

Я стала жить с Хасаном. Наконец почувствовала себя хозяйкой дома. Я не работала, потому что была женщиной Хасана. Работающая женщина – ниже достоинства турецкого мужчины.

К Хасану каждый день приходили друзья. “Это прекрасно, – говорила я себе, – что у нас так много друзей”. Они много пили. Я знаю, потому что прислуживала им за столом. “Ну и пусть себе пьют, – убеждала я себя, – это не по правилам нашей религии, но они не устраивают беспорядки, не дерутся”.

Хасан и его друзья курили странные сигареты. Я не знала, что это такое. Хасан велел мне закурить. Послушание в семье очень важно. Я закурила, ничего не случилось, и я стала курить чаще. Почему-то мне было легче после этих сигарет.

Друзья Хасана приходили с женщинами. Я думала, что это их жены. Меня смешили их странные наряды. Высокие каблуки. Золотые, очень короткие юбки. Странно сколотые волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.